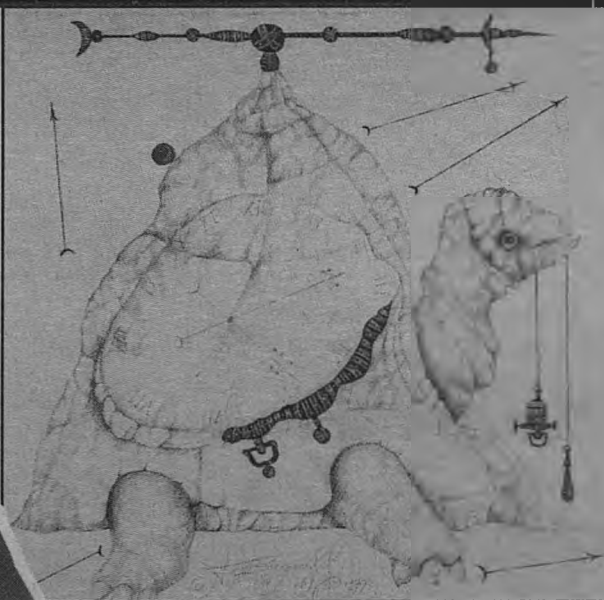
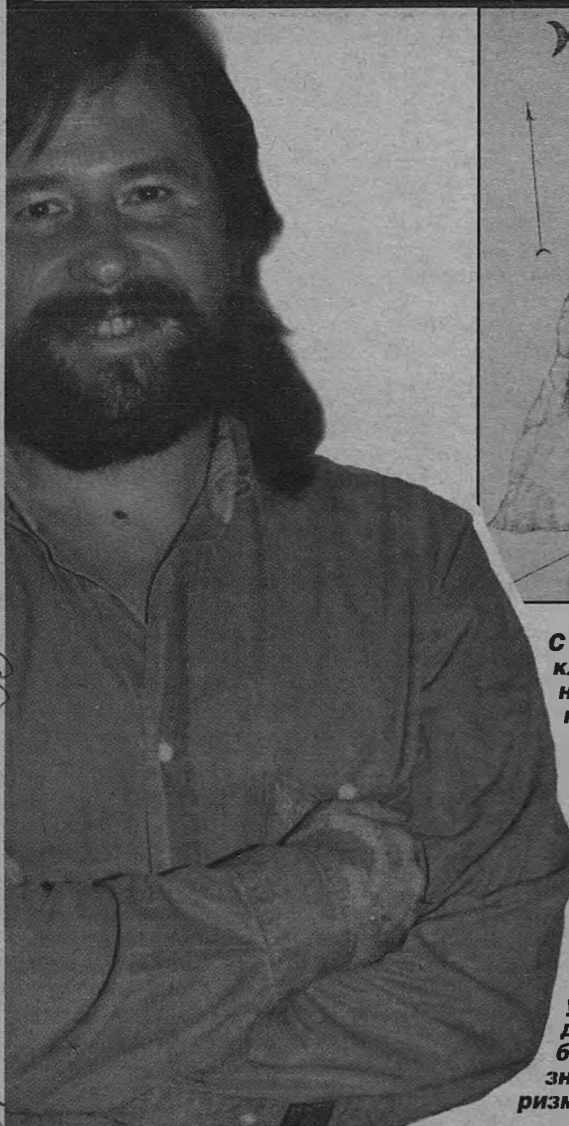

С Юрием Шевчуком они учились в одном классе, причем один из них одержимо занимался музыкой, мечтая о сценической карьере, а другой – живописью... Мечты осуществились – с точностью до наоборот. Итальянцы называют Александра Буганина «современным русским иконописцем». Хотя он – классический постмодернист. «В самом деле, ни одной русской или советско-русской параллели, – писал в предисловии к роскошному альбому Буганина искусствовед, научный сотрудник Государственного Русского музея Игорь Прудкин. – Многие его картины представляют собой увлекательный для знатока ребус, отгадать который можно лишь при наличии блестящей зрительной памяти и хороших знаний искусства Возрождения, маньеризма, XVII века, сюрреализма».

ственно-графическом факультете пединститута, когда показал свои работы, мне сразу сказали: мол, рисовать не умеешь, но цвет чувствуешь как бог. Так все и получилось.

– А как семья отнеслась к такому повороту: из несложившихся инженеров – в живописцы?

– Нормально. Хотя в семье ученых художник – само собой чудак. С семьей вообще забавная история. И отец мой, и дед, и еще одиннадцать пра-пра-носили простое немецкое имя Мейер Андрей Андреевич. Первый Андрей Мейер попал в Россию еще при Екатерине. Она соотечественника выписала, дабы глаз Светлейшему Таврическому починять. С глазом что-то не заладилось, как известно, а вот предки во дворянстве российском, на службе государевой прижились. Были врачами, учеными, в родстве с Гариным-Михайловским состояли, с Аксаковым знакомство водили. А потом вот я случился. Как бы вопреки. На свет божий до срока родился. И не Андреем стал – Александром. Трудную фамилию Мейер в результате действий и противодействий родителей сменил на гордую Буганин... Дурацкое желание все делать наперекосья присутствует и поныне. И слава Богу.

– Давно в Москве?

– С 96-го. Поначалу трудно было, принять этот город не мог. Сейчас прижился. Люблю гулять, бродить по старым московским улочкам.

– Вы азартный человек?

– Да. У меня даже картишки кое-где на картинах.

– Отдыхать предпочитаете за границей, в казино?

– На даче, под Уфой. Там просто отдыхаю...

– В вашей мастерской часто бывают гости?

– Ну нет... Я не люблю, когда приходят в мастерскую. Просто никого не пускаю. Зачем?

– А как вы работаете?

– А вот развернешь белый лист, посмотришь на него и скажешь: «А дай-ка я рыбку нарисую...» И – рисуешь. Только тут очень важно прислушиваться в тишине к Тому, Кто тебе нашептывает... Тогда все получится.

С картинами Александра Буганина очень трудно расставаться. На них хочется смотреть, путешествуя по замысловатой вязи реально-нереальных образов – не поймешь, твоих ли или самого художника. Он просто включает вас в свой бред, в свои фантазии, изысканные, необычные, но, кажется, удивительно простые – как рыбки, черепахи, птички перья, груши... Да еще провозирует ваше доверие, работая по теплоту дереву, тонкой, ранимой бумаге и, конечно, привычному холсту – маслом, белилами, акрилом... Полная свобода выражения любыми средствами!

Вам просто повезло: вы можете увидеть все своими глазами в Центральном доме художника на Крымском в галерее Аллы Буланской, с которой художник дружит уже десять лет. Смотреть можно до 15 декабря. Потом наверняка все картины уйдут. Но он напишет новые.

Александр БУГАНИН:

«ДУРАЦКОЕ ЖЕЛАНИЕ

ВСЕ ДЕЛАТЬ НАПЕРЕКОСЯК...»

То-то дилетанту при беглом взгляде на картины Буганина то Дали привидится, то тень Шемякина промелькнет, то... Присмотришься – никого, кроме самого Буганина. Один. И спокойно торжествуя, занимает все твоё внимание своими загадками-ассоциациями, образами-перевертышами, своими рыбами и черепахами, увядающими с годами грушами и завораживающими ликами в доспехах средневековых рыцарей...

С 1985 года он участвовал более чем в ста выставках. Картины Буганина разбежались по всему миру, обосновавшись в музейных и частных коллекциях.

– А не жалко расставаться со своими работами?

– Нет, ничуть. Наоборот. Кому-то ведь нравится, смотреть будут, радоваться... А я еще нарисую.

– И ничего себе не оставляете?

– Есть одна работа, из первых. Она всегда дома.

– А где вы учились?

– В авиационном сначала...

– МАИ готовит юмористов, сатириков, художников. И как только наши самолеты до сих пор летают?

– Мой авиационный – в Уфе, и выбран был по простому принципу – от дома до института десять минут пешком. Но на самом-то деле от меня все это «техно» далеко было. Словом, отучился я три года, женился – я рано женился, да еще ребенок должен был родиться... И пошел в армию, можно сказать, добровольцем.

– Из огня да в полымя... Хотя, видимо, художником «служили»?

– Нет, но тоже неплохо. Нас человек пятьдесят ребят-гренадеров из Уфы было – таким только в десантные войска, особенно тогда, в 79-м... Ну, а в Бурятии определили в стройбат. Художника из меня там не получилось – нужно было лозунги, буквы всякие писать, а почерк у меня безобразный, да и неинтересно. Но я в то время гитарой «болел», музыке ведь учился, так что пригодились. После армии стал выбирать, куда пойти учиться. На этот раз – живописи.

– По тому же ленивому мужскому принципу – поближе к дому?

– Точно. Выбор был сделан с помощью расписания Аэрофлота: до Свердловска не было прямого рейса, а до Магнитогорска из Уфы без пересадок. На художе-

Галина
ШАХОВА